

Ю.О.Гайворонский

КОНСОЛИДАЦИЯ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА И ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ НА ПРИМЕРЕ СТРАН БАЛКАНСКОГО РЕГИОНА¹

Ключевые слова: партийная система, электоральное пространство, консолидация, фрагментация, волатильность

¹ Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ по теме «Структурный анализ региональных политических режимов и электоральных пространств», реализуемой Лабораторией региональных политических исследований.

² См. Diamond 1994; Schmitter, Karl 1994; Linz, Stepan 1996.

³ Елисеев [Eliseev] 2004; Konrad 2005.

Консолидация партийной системы — важнейшая составляющая становления демократического режима². Данное обстоятельство имеет огромное значение для посткоммунистических стран с четко выраженной ориентацией на Объединенную Европу. Хотя в Копенгагенских критериях вступления в ЕС параметры партийных систем напрямую не затрагиваются, уровень консолидации последних в этих странах существенно варьирует и порою настолько далек от западных стандартов, что не может не оказывать прямого или косвенного влияния на их продвижение по «европейскому» вектору³.

Понимая неподъемность задачи детального исследования ситуации во всех странах упомянутой категории, в настоящей статье мы сосредоточим внимание на посткоммунистических государствах Балканского региона, что позволит нам:

- решить (хотя бы частично) проблему сопоставимости (ввиду наличия у этих государств ряда общих социокультурных, экономических и политических черт);
- провести сравнительный анализ консолидации партийных систем стран, входящих и не входящих в ЕС, и тем самым попытаться ответить на вопрос о наличии качественных различий в партийных системах соответствующих стран и динамике их развития.

В качестве кейсов будут рассмотрены четыре балканские страны, две из которых (Словения и Болгария) являются членами Евросоюза, а две (Сербия и Македония) — кандидатами на вступление в него. Во всех этих странах в 2011—2013 гг. наблюдался политический кризис, приведший к досрочным парламентским или президентским выборам.

Статья состоит из трех частей. В первой части обсуждаются теоретические аспекты консолидации партийных систем и способы операционализации ее уровня. Во второй дается общий обзор эволюции партийных систем Болгарии, Македонии, Словении и Сербии. Третья часть посвящена анализу этих систем в рамках актуального электорального

цикла, характерной особенностью которого (для изучаемой выборки) является повышенный уровень политической нестабильности. Данное обстоятельство тем более важно, что в условиях кризиса наиболее четко высвечиваются особенности партийной системы, в том числе и степень ее консолидации.

**Консолидация
партийных систем:
проблемы
определения
и операцио-
нализации**

В отличие от консолидации демократии, вопрос о том, что такое консолидированная партийная система, привлекает к себе мало внимания исследователей. По-видимому, данная категория воспринимается как нечто интуитивно ясное и не требующее пояснений. На наш взгляд, подобный подход не вполне адекватен, тем более что дискуссии может вызывать не только консолидированность партийной системы, но и само существование таковой.

По заключению Дж.Сартори, партии образуют систему лишь в том случае, если они являются частью относительно взаимосвязанного целого: партийная система — это система взаимодействий, отражающих результаты межпартийной конкуренции, представляющей некие устойчивые паттерны. Тем самым складывается определенная структура результатов электоральной конкуренции, характеризующаяся такими параметрами, как размер (количество партий в парламенте) и форма (сила партий и конфигурация правящей коалиции)⁴. В связи с этим напрашивается вывод, что если сформировавшаяся в ходе межпартийной конкуренции структура воспроизводится в сравнительно неизменном виде в течение нескольких электоральных циклов, то такую партийную систему следует признать консолидированной.

⁴ Sartori 1976: 43-44.

Однако данная трактовка не учитывает столь важные параметры, как чередование партий у власти и уровень конкуренции. В своей классификации партийных систем Сартори опирался именно на них, указывая, что для институционализации демократии необходимо не просто существование приблизительно равных по силе партий, но и их чередование у власти⁵. С его точки зрения, наиболее благоприятны для демократии двухпартийная система и так называемая система ограниченно-плюрализма (3—5 партий)⁶.

⁵ Ibid.: 46-47.

⁶ Ibid.: 185.

Но вернемся к проблеме дефиниции. Поскольку в отношении консолидированной партийной системы таковая в принципе отсутствует, рассмотрим соответствующие операциональные критерии, используемые различными исследователями (см. *табл. 1*), и попробуем выделить наиболее релевантные.

Как видно из *табл. 1*, при измерении уровня консолидации партийных систем чаще всего применяются показатели волатильности (изменчивости), а также близкие по свойствам индексы концентрации и фрагментации. Важно отметить, что отношения между фрагментацией и изменчивостью неоднозначны. С одной стороны, консолидированная партийная система представляет собой дефрагментированную, укрупненную (концентрированную) структуру, характеризующуюся

Таблица 1 Критерии консолидации партийных систем

Автор	Индикатор	Способ вычисления
Ш.Горовиц и Э.Браун	Индекс концентрации Херфиндаля-Хиршмана	Сумма квадратов долей голосов всех партий
П.Льюис	Индекс партийной стабилизации	На первом этапе вычисляется сумма процентов всех партий, преодолевших избирательный барьер. В следующем электоральном цикле результаты повторно участвовавших в выборах партий умножаются на 1,2, в следующем — на 1,4 и т.д. Индекс — отношение накопленного результата по всем выборам к максимальному возможному (например, к 520 — 100+120+140+160 — для четырех электоральных циклов).
Д.М.Олсон	Эффективное число партий по индексу Лааксо-Таагеперы (уровень фрагментации)	$N = 1 / \sum v_i^2$, где в знаменателе — индекс Херфиндаля-Хиршмана
	Индекс волатильности Роуз	$\sum (v_t^i - v_{t-1}^i)$
Дж.Нова-грокиен	Распределение голосов внутри партийного спектра	Граф, где ось x — партии, упорядоченные по шкале «левые—правые», ось y — процент голосов, отданных за партию
	Электоральная волатильность	Сравнение поддержки партий в динамике
Д.П.Конрадт	Индекс волатильности Педерсена	$\sum (v_t^i - v_{t-1}^i) / 2$

Источники: Horowitz S., Browne E. 2005. Sources of Post-Communist Party System Consolidation: Ideology versus Institution // *Party Politics*. Vol. 11. № 6; Lewis P. 2006. Party Systems in Post-communist Central Europe: Patterns of Stability and Consolidation // *Democratization*. Vol. 13. № 4; Olson D.M. 1998. Party Formation and Party System Consolidation in The New Democracies of Central Europe // *Political Studies*. Vol. 46. № 3; Novagrokien J. 2001. The Development and Consolidation of the Lithuanian Political Party System // *Journal of Baltic Studies*. Vol. 32. № 2; Conrardt D.P. 2005. The Tipping Point: The 2005 Election and the De-Consolidation of the German Party System? // *German Politics and Society*. Vol. 24. № 1.

высокой степенью стабильности. С другой — даже при движении в сторону консолидации неизбежен определенный уровень волатильности, вследствие чего и при наличии эффективного измерительного инструментария требуется экспертная оценка полученных данных.

В настоящей работе были использованы наиболее распространенные в прикладных исследованиях индикаторы — индекс Лааксо-Таагеперы (для измерения уровня фрагментации) и индекс Педерсена (для измерения уровня изменчивости). Следует, однако, признать, что оба этих индикатора не лишены недостатков. Так, индекс Лааксо-Таагеперы дает лишь общую информацию об уровне фрагментации партийной системы, оставляя без внимания столь важный параметр, как конфигурация, то есть значение индекса будет равно приблизительно трем как в случае, когда в парламент прошли три партии с результатом 40, 30 и 30%, так и в ситуации, когда избирательный порог преодолели четыре избирательных объединения, получив 50, 20, 15 и 15%. О подобных качественных сдвигах можно судить исходя из динамики индекса Педерсена (резкие скачки). В то же время указанный индекс не позволяет определить, чем обусловлена такая волатильность — изменением состава игроков на электоральном поле или же сдвигом в предпочтениях избирателей. В данном случае мы тоже будем прибегать к качественному анализу.

**Консолидация
партийных
систем Болгарии,
Македонии,
Сербии и Словении**

⁷ Lijphart 1995: 99.

⁸ Ibid.: 100.

⁹ См. Jurek 2010.

¹⁰ См. <http://www.regional-science.ru>

Уровень фрагментации. Результаты измерений показывают, что средний уровень фрагментации партийных систем на Балканах выше, чем в Западной Европе в 1945—1990 гг. Согласно классическому исследованию А.Лейпхарта, среднее эффективное число электоральных партий в западноевропейских странах составляло в те годы 3,94, а парламентских — 3,34⁷, тогда как в Болгарии, Македонии, Сербии и Словении в посткоммунистический период — 5,19 и 3,93 соответственно. Это в целом подтверждает справедливость представления о более высоком уровне фрагментации партийных систем в период демократического транзита.

По заключению Лейпхарта, для западных стран характерен постепенный рост партийной фрагментации⁸, причем в последние два десятилетия данная тенденция усилилась⁹. В связи с этим логично задаться вопросом: не является ли общепринятая точка зрения о различии в уровне фрагментации партийных систем в Западной и Восточной Европе (в частности, на Балканах) устаревшей?

Сопоставление эффективного числа электоральных партий на Балканах и в ряде стран Западной Европы (по материалам исследований, проведенных в Лаборатории региональных политических исследований НИУ ВШЭ¹⁰) обнаруживает, что средний уровень фрагментации партийных систем там довольно близок: 4,95 и 4,75 соответственно. К сожалению, на нынешнем этапе исследования мы не можем ответить на вопрос о причинах выравнивания уровней фрагментации.

Обратимся к анализу данных об уровне фрагментации партийных систем в рамках исследуемого региона. Как видно из *табл. 2*, наибольшей фрагментацией партийной системы отличается Словения, за которой следует Сербия, где индекс эффективного числа партий несколько выше, чем в Болгарии и Македонии. Примечательно также, что за годы посткоммунистического развития в Словении и Македонии уровень фрагментации заметно снизился, а в Болгарии и Сербии, наоборот, вырос.

Таблица 2 Эффективное число электоральных / парламентских партий

	<i>Среднее значение в 1990—2013 гг.</i>	<i>Среднее значение с 2000 г.</i>	<i>Среднее значение в 1990-е годы</i>
Болгария	4,17 / 3,04	4,88 / 3,57	3,45 / 2,52
Македония	4,19 / 3,57	4,02 / 3,20	4,41 / 4,11
Сербия	4,75 / 3,43	5,10 / 3,92	4,33 / 2,82
Словения	6,77 / 5,92	5,58 / 4,43	8,36 / 7,51

В литературе можно встретить две точки зрения относительно закономерностей развития партийных систем в условиях трансформации политических режимов. В соответствии с первой из них, фрагментация партийной системы в период транзита должна постепенно затухать, ибо первоначально в выборах склонно участвовать множество новообразованных партий, подавляющая часть которых терпит фиаско, что, в свою очередь, снижает стимулы к участию в последующих избирательных кампаниях («психологический эффект» М.Дюверже¹¹). Согласно второй, тенденция носит прямо противоположный характер: поскольку в ситуации конфликта сторонников и противников «старого режима» политические предпочтения граждан четко структурированы, голосование на первых свободных выборах отличается довольно высокой степенью консолидации. В дальнейшем оппозиция раскалывается, что приводит к росту дисперсии (в нашем случае — фрагментации), которая может сократиться/стабилизироваться лишь по прошествии времени (гипотеза «роста партийной дисперсии»¹²).

Обе гипотезы указывают на принципиальную важность учета динамики процессов фрагментации, и построение графов позволяет зафиксировать ряд тенденций. Прежде всего следует отметить, что в развитии этих процессов в исследуемых странах отчетливо выделяются два периода (см. *рис. 1* и *2*). В 1990-е годы происходит «сбегание» к определенному уровню фрагментации, который, вслед за Сартори, можно обозначить как умеренный плюрализм (4—6 электоральных партий или 3—5 парламентских)¹³. Напротив, в последнем электоральном цикле наблюдается повышение уровня фрагментации.

¹¹ Дюверже [Duverger] 2005.

¹² Bielasiak 1997.

¹³ Нечеткость данной тенденции применительно к парламентским партиям (см. *рис. 2*) объясняется тем, что в 1994 г. одна из ведущих партий Македонии бойкотировала второй тур парламентских выборов и, соответственно, не попала в парламент.

Рисунок 1 Эффективное число электоральных партий в странах Балканского региона (1990–2013)

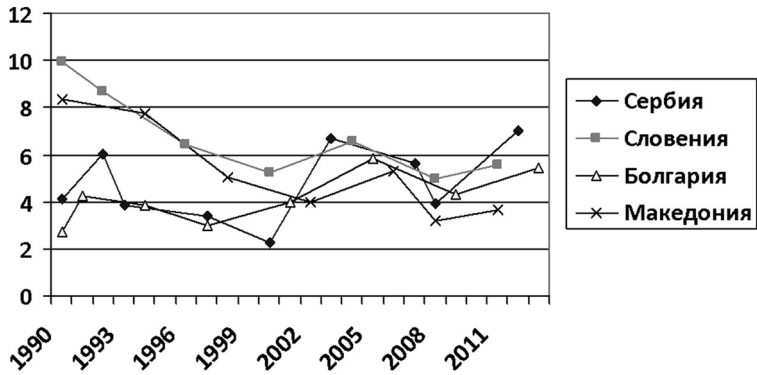
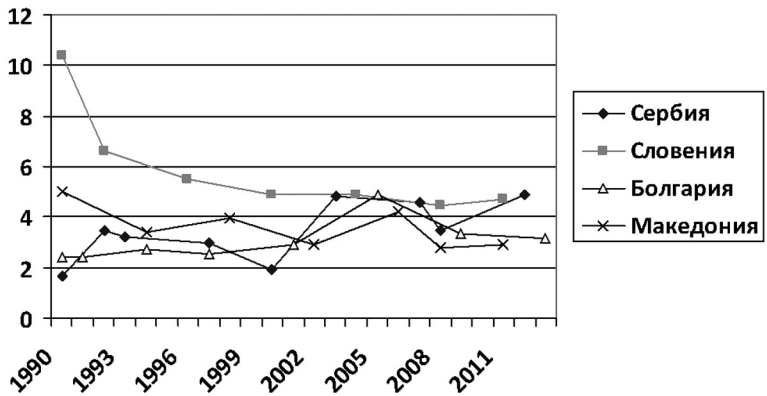

Рисунок 2 Эффективное число парламентских партий в странах Балканского региона (1990–2013)

Вместе с тем из рисунков видно, что даже в столь ограниченной выборке эволюция партийных систем не однонаправлена: в случае Словении и Македонии сработал, по-видимому, «психологический эффект», тогда как в Болгарии и Сербии возобладали механизмы, ведущие к «росту партийной дисперсии».

¹⁴ Mair 1998; Powell, Tucker 2009.

¹⁵ Powell, Tucker 2009: 31.

Электоральная волатильность. Уровень электоральной волатильности посткоммунистических партийных систем выше, чем в Западной Европе¹⁴. Так, по расчетам Э.Н.Пауэлл и Дж.Такера, в 1990–2000-х годах ее среднее значение в западноевропейских странах составляло 13,6, тогда как в восточноевропейских — 44,4¹⁵. Наши

вычисления, учитывающие последние тенденции, подтверждают эту закономерность: во всех четырех исследованных государствах средние значения индекса Педерсена колеблются вокруг 30 (см. *табл. 3*). Это ниже, чем в посткоммунистическом лагере в целом, что, казалось бы, должно свидетельствовать о более высоком уровне консолидации демократии — разумеется, за исключением Сербии, однако при С.Милошевиче режим там был хотя и недемократическим, но консолидированным, и после его крушения средний показатель волатильности в стране увеличился.

Таблица 3 Электоральная волатильность (индекс Педерсена)

	<i>Среднее значение в 1990—2013 гг.</i>	<i>Среднее значение с 2000 г.</i>	<i>Среднее значение в 1990-е годы</i>
Болгария	34,02	40,75	25,04
Македония	29,71	24,52	40,10
Сербия	29,62	34,12	22,11
Словения	29,34	29,47	29,08

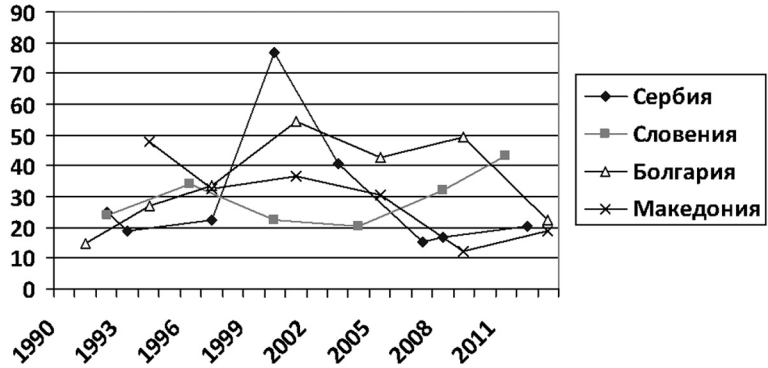
Помимо Сербии, изменчивость партийной системы выросла в Болгарии, где на смену устойчивому расколу коммунизм/антикоммунизм¹⁶ пришли перманентные попытки уравновесить партийно-политический спектр с правого фланга. Стабильные показатели характеризуют партийную систему Словении, которая в этом отношении действительно напоминает классическую западную демократию, пусть и с несколько большим уровнем волатильности. Еще более примечательны значения индекса Педерсена в Македонии, где налицо заметное снижение электоральной нестабильности.

Однако, как видно из *рис. 3*, выделение средних тенденций способно исказить реальную картину. Во-первых, при детальном рассмотрении казус Словении уже не выглядит таким стабильным: с 2008 г. в стране происходит уверенный рост волатильности¹⁷. Во-вторых, как и в случае с фрагментацией, в последнем электоральном цикле в трех странах из четырех мы можем наблюдать усиление волатильности. В-третьих, при общем повышении (по сравнению с 1990-ми годами) электоральной неустойчивости уровень изменчивости партийной системы Болгарии снижается. Чтобы осмыслить отмеченные тенденции, нужно детально проанализировать электоральное пространство каждой из изучаемых стран.

¹⁶ Jurek 2010.

¹⁷ *Отражение динамики нестабильности и фрагментации в виде графов не вполне корректно, поскольку фиксация изменений осуществлялась дискретно (на основе данных электоральной статистики) и речь в действительности идет о наборе точек. Таким образом, повышение уровня нестабильности в Словении было зафиксировано именно в 2008 г.*

Рисунок 3 Уровень электоральной волатильности в странах Балканского региона (1990–2013)

Партийные системы Болгарии, Македонии, Словении и Сербии в контексте трансформации электорального пространства: актуальные тенденции

Прежде чем приступать к решению поставленной задачи, следует ввести и обосновать несколько дополнительных параметров анализа, которые потребуются нам для более глубокого понимания трансформации электорального пространства:

- *стабильность региональной поддержки* (рассчитывается для каждой партии и представляет собой коэффициент корреляции¹⁸ между результатами данной партии на актуальных и предшествующих выборах в региональном разрезе);
- *перетоки электората* (измеряются путем вычисления корреляций между динамическими показателями партий, что, в свою очередь, требует вычисления разности показателей партии на актуальных и предшествующих выборах в региональном разрезе: $P_{it} - P_{i(t-1)}$. На переток электората будет указывать отрицательный коэффициент, поэтому важно предварительно выяснить, действительно ли одна партия преимущественно приобретает, а другая теряет в региональном разрезе, и только потом статистически доказывать наличие закономерности);
- *национализация партийной системы*. С точки зрения А.Мелешевича, национализация партийной системы есть отражение автономии партий по отношению к территориям, ибо электоральные игроки должны стремиться выражать интересы общества в целом или его сегментов, а не отдельного региона¹⁹. Сходного мнения придерживается и Р.Туровский, справедливо отмечая, что «партии выступают не только агентами социально-политического конфликта, но и инструментами общественной и территориальной интеграции»²⁰. Высокий уровень национализации говорит о территориальной однородности поддержки партий. Индекс национализации для отдельных партий рассчитывается по формуле:

¹⁸ Ввиду специфики данных при расчете показателей стабильности региональной поддержки и перетоков электората использовался метод Спирмана.

¹⁹ Meleshevich 2007: 78.

²⁰ Туровский [Turovskij] 2012: 103.

1-G, где G — коэффициент Джини. Индекс национализации партийной системы в целом (Party System Nationalization Score — PSNS) представляет собой сумму произведений индексов национализации партий и долей полученных ими голосов.

В *Болгарии* проведение в 2013 г. досрочных парламентских выборов было вызвано массовыми протестами против повышения цен на электроэнергию, получившими название «коммунальная революция». Всего в выборах приняли участие 36 партий — в два раза больше, чем в предшествующих. В парламент вновь прошли лишь четыре партии — правоцентристская «Граждане за европейское развитие Болгарии» (ГЕРБ) во главе с премьер-министром Б.Борисовым, Болгарская социалистическая партия (БСП), протурецкое Движение за права и свободы (ДПС) и националистическая «Атака». Несмотря на повышенный уровень общественного недовольства, ГЕРБ снова сумела выиграть выборы, хотя и с потерей 13 процентных пунктов голосов, тогда как социалисты улучшили свои показатели лишь на 8 процентных пунктов. В целом же досрочные выборы были использованы Борисовым как своего рода политическая технология, позволившая зафиксировать социальную поддержку власти, не дожидаясь полного коллапса, в то время как значительный протестный потенциал «коммунальной революции» был распылен между новыми партиями.

Наиболее стабильной оказалась региональная поддержка ДПС и БСП (коэффициенты корреляции — 0,94 и 0,86 соответственно), что свидетельствует о наличии у них устойчивого ядерного электората. В основном воспроизвела свою электоральную поддержку и ГЕРБ, но — ввиду кризиса — с заметно меньшей интенсивностью (0,60). Хуже всего в этом плане выступила «Атака», электорат которой заметно «поплыл» — значимого коэффициента корреляции получить не удалось. Уровень национализации партийной системы снизился незначительно (с 0,70 до 0,68), при этом наиболее низкий показатель — у ДПС (0,49), поддержка которого локализована в регионах с преобладанием турецкого населения (Кирджали, Разград, Тарговиште и др.). Показатели других партий значительно выше: ГЕРБ — 0,89, БСП — 0,88, «Атака» — 0,78.

Возвращению лидера ГЕРБ на пост главы правительства воспротивились три другие парламентские силы, и мандат на формирование кабинета был передан социалистам, заключившим коалицию с ДПС. Премьером стал технократ П.Орешарски, в 2005—2009 г. занимавший пост министра финансов. «Индифферентный» в идеологическом плане подход не привел, однако, к укреплению политической стабильности, что отчасти связано с противоречивым составом кабинета, куда вошел, в частности, медиамагнат Д.Пеевски.

Таким образом, зафиксированное в 2013 г. в Болгарии снижение волатильности не является результатом повышения политической или экономической стабильности (как это бывает в большинстве случаев). Скорее наоборот — это отражение стратегии действующей власти

по удержанию ситуации в своих руках, причем стратегии неудачной, что позволяет говорить о несостоятельности ГЕРБ как противовеса левым силам. Следовательно, на основании досрочных выборов 2013 г. нельзя судить о реальном уровне электоральной нестабильности в стране.

Проведение досрочных выборов в 2011 г. в *Македонии* было обусловлено стремлением оппозиции усилить свое влияние в парламенте на фоне ухудшения экономической конъюнктуры. В выборах приняли участие 16 партий и блоков. По итогам голосования победу одержала правящая «Внутренняя македонская революционная организация — Демократическая партия за национальное македонское единство» (ВМРО-ДПНМЕ), набравшая 39,0% голосов. Второе и третье место соответственно заняли Социал-демократический союз Македонии (СДСМ; 32,8%) и проалбанский Демократический союз за интеграцию (ДСИ; 10,2%). В Собрание прошли также Демократическая партия албанцев (ДПА; 5,09%) и «Национальное демократическое возрождение» (НДВ; 2,7%), тоже защищающее интересы албанского населения. Правительство сформировала коалиция ВМРО-ДПНМЕ во главе с Н.Груевски (который вновь получил пост премьер-министра) и ДСИ, что говорит о сохранении относительного status quo, с одной стороны, и привилегий албанского меньшинства — с другой.

Индикаторы стабильности региональной поддержки находятся на высоком уровне. Коэффициент корреляции для ВМРО-ДПНМЕ составил 0,87, для СДСМ, ставшего основным бенефициаром кампании, — 0,50. Показатели проалбанских избирательных объединений еще выше (0,90 для ДСИ и 0,88 для ДПА), однако в случае Македонии это скорее проблема, чем преимущество.

Чтобы обосновать данный тезис, рассмотрим уровень национализации партийной системы. PSNS хотя и вырос по сравнению с предшествующим электоральным циклом (0,52 в 2008 г.), едва достиг отметки 0,60. Показатели национализации партий, представляющих интересы албанского меньшинства, очень низкие: ДСИ — 0,29, ДПА — 0,22, ДНВ — 0,19. Все это говорит о высоком уровне регионализации партийной системы страны на базе этнического раскола. Кроме того, происходит размежевание внутри албанских территорий (усиление ДНВ), на что указывает как география голосования, так и столкновения между активистами проалбанских партий.

Прочие национальные меньшинства демонстрируют склонность к консолидации вокруг ВМРО (турки и цыгане) и СДСМ (сербы), и их партии входят в образованные данными организациями избирательные блоки. Что касается албанских националистов, то их объединения не содержат механизмов интеграции малых народов.

Таким образом, возникает двоякая тенденция — к консолидации партийной системы (в отношении общенациональных партий) и к ее поляризации (вследствие активной деятельности албанских националистов).

В *Сербии* в парламентских выборах 2012 г. приняли участие 18 партий, и 11 из них прошли в парламент, в том числе шесть партий национальных меньшинств. С минимальным отрывом победила оппозиционная коалиция «Сдвинем Сербию» (24,05%), ядром которой выступает консервативная Сербская прогрессивная партия. Второе место заняла коалиция «За лучшую жизнь» (ядро — Демократическая партия) президента Б.Тадича, ушедшего в отставку накануне выборов (22,07%), третья — коалиция «Социалистическая партия — Партия объединенных пенсионеров Сербии — Единая Сербия» (СП-ПОПС-ЕС; 14,51%).

Важнейшей особенностью Сербии в 2000-е годы, отличающей ее от других стран нашей выборки, является наличие разнообразных коалиций, меняющих названия и конфигурацию от выборов к выборам. Вместе с тем уровень стабильности региональной поддержки «ядерных» партий в рамках электоральных объединений можно охарактеризовать как средний. Так, высокие показатели воспроизводства поддержки в 2012 г. продемонстрировали коалиции «Поворот» (0,79) и СП-ПОПС-ЕС (0,71), а также Демократическая партия Сербии В.Коштуницы (0,70). Существенно ниже оказался показатель коалиции «За лучшую жизнь» (0,50), что объясняется распадом коалиции «За европейскую Сербию» (одержавшей победу в 2008 г.), из состава которой вышла партия «G-17», ставшая ядром коалиции «Объединенные регионы». Еще большие проблемы с ядерным электоратом испытывает коалиция «Сдвинем Сербию» (0,39), образованная вокруг Прогрессивной партии Т.Николича, отколовшейся в 2008 г. от Радикальной партии В.Шешеля. Идеологию данного объединения можно определить как национал-консерватизм. Бывший ранее крайним националистом, но затем перешедший на более умеренные позиции Николич и его единомышленники выступают за евроинтеграцию и вступление страны в ЕС, но при сохранении Косово и налаживании сотрудничества с Россией.

Рассматривая перетоки электората, следует отметить, что на фоне перманентного процесса распада-формирования коалиций улучшить свои показатели удалось лишь СП-ПОПС-ЕС и «Повороту». Первая коалиция перетянула на свою сторону часть избирателей Радикальной партии Шешеля (-0,21) и Демократической партии Коштуницы (-0,26); вторая — распавшейся коалиции «За европейскую Сербию» (-0,44), то есть отобрала голоса у Тадича.

PSNS сократился с 0,75 до 0,70. При этом показатели отдельных партий варьируют от 0,85 («Сдвинем Сербию») и 0,82 («За лучшую жизнь») до 0,64 (Демократическая партия Сербии) и 0,63 («Объединенные регионы Сербии»). То есть, несмотря на некоторое снижение PSNS, говорить о том, что партийная система стала более регионализованной по сравнению с выборами 2008 г., вряд ли правомерно, так как индексы ведущих партий остаются высокими. В то же время сохраняется этнический раскол, который играет определяющую роль.

Словения считается наиболее успешной с точки зрения демократического транзита балканской страной, тем более что ей удалось прак-

тически бескровно выйти из состава Югославии. Ведущими партиями в стране являются консервативная Словенская демократическая партия (СДП) и Социал-демократы Словении (СДС). Другие избирательные объединения — христианско-демократические Словенская народная партия и «Новая Словения — Христианская народная партия», а также Демократическая партия пенсионеров Словении (ДППС) — обладают значительно меньшим весом и выступают в роли младших партнеров при формировании правящих коалиций. Как правило, консерваторы пользуются поддержкой сельского населения.

Проведение в 2011 г. досрочных парламентских выборов стало следствием вотума недоверия, выраженного Государственным собранием правительству Б.Пахора по итогам референдума, касавшегося актуального для всей Европы вопроса о повышении пенсионного возраста (против высказались 72,17% избирателей). Триггером развала правящей коалиции выступила ДППС, объяснившая данный шаг заботой об интересах своей адресной группы (чем спасла собственный электоральный потенциал).

Внеочередные выборы активизировали и актуализировали новые политические силы (фактор нестабильности при измерении). Победу одержала левоцентристская «Позитивная Словения» во главе с мэром Любляны З.Янковичем (28,51%). СДП, считавшаяся фаворитом предвыборной гонки, заняла второе место (26,19%). Третьими финишировали социал-демократы (10,52%).

Помимо трех упомянутых партий, 4-процентный барьер преодолели еще четыре объединения, в том числе новообразованный Гражданский список экс-министра Г.Виранта. В свою очередь, четыре из представленных в Государственном собрании прошлого созыва партий утратили поддержку избирателей. Другими словами, рост электорального плюрализма и волатильности в Словении во многом был результатом популизма отдельных политиков (Янковича и Виранта), использовавших ситуацию кризиса для получения мандатов.

При всем том степень стабильности региональной поддержки партий оказалась весьма высокой: коэффициент корреляции для СДП составил 0,80, для СДС — 0,73, для Словенской народной партии — 0,74, для «Новой Словении» — 0,89. Средний уровень стабильности зафиксирован только у Партии пенсионеров (0,60), что, по-видимому, связано с ускоренным старением населения, а также с актуализацией проблемы пенсионной реформы. Устойчивая поддержка правоцентристских и консервативных партий свидетельствует о повышенной стабильности сельского электората в Словении; на то же указывают более слабые перетоки электората внутри данного кластера: от СДП и Словенской национальной партии к Словенской народной партии (-0,34 и -0,27 соответственно) и от СДП к Новой Словении (-0,34). Избиратели, стоящие на левых и центристских позициях, менее устойчивы, о чем говорят интенсивные перетоки от СДС, Либеральных демократов и партии «Всерьез» к популисту Янковичу (-0,78; -0,38; -0,52 соответственно).

Для последнего электорального цикла характерен также высокий уровень национализации партийной системы. Вместе с тем, несмотря на заметные сдвиги в уровне электоральной стабильности, PSNS по сравнению с 2008 г. практически не изменился (0,75 и 0,76 соответственно), что опять же объясняется популистской природой «Позитивной Словении».

Таким образом, следует признать, что партийная система Словении пока находится лишь на пути к консолидации — созданные сверху, «под лидера» партии («Позитивная Словения», «Список Виранта») все еще встречают широкую поддержку среди граждан. Тем не менее на политической арене присутствуют и явные долгожители — СДП и СДС, вокруг которых начинает структурироваться, приходя в равновесие, вся партийная (парламентская) система.

* * *

Двадцатилетний опыт развития партийных систем стран Балканского региона указывает прежде всего на отсутствие у них какого-либо единого пути, что во многом обусловлено воздействием внутренних факторов — от институциональных «настроек» до стратегий и поведения политических элит. В то же время различия в уровне консолидации этих систем не являются критическими и никак не связаны с вхождением соответствующей страны в ЕС. С одной стороны, возможны флуктуации, вызванные ситуативными факторами, с другой — налицо высокая устойчивость в воспроизводстве поддержки ведущих партий. Главный вывод состоит, пожалуй, в том, что с начала 2000-х годов партийные системы исследуемых стран эволюционируют в пределах умеренного плюрализма, что, на наш взгляд, и определяет границы достигнутой ими консолидации.

Будучи относительно консолидированными (средний уровень), партийные системы Болгарии, Македонии, Сербии и Словении не лишены и специфических дисфункций. В рамках актуального электорального цикла это: в Болгарии — нестабильность правого фланга; в Македонии — фактическое наличие двух партийных подсистем, отражающих этнический раскол; в Сербии — высокий уровень регионализации и проблема автономий; в Словении — популизм лидеров и повышенный уровень фрагментации, продуцирующий нестабильность внутри правящей коалиции.

Библиография

Дюверже М. 2005. *Политические партии*. — М. [Duverger M. 2005. *Politicheskie partii*. — М.].

Елисеев С.М. 2004. Социальные и политические размежевания, институциональные предпосылки и условия консолидации партийных систем в демократическом транзите // *Политическая наука*. № 4 [Eliseev S.M. 2004. Social'nye i politicheskie razmezhvaniya, institucional'nye

predposylki i uslovija konsolidacii partijnykh sistem v demokraticheskom tranzite // *Politicheskaja nauka*. № 4].

Туровский Р.Ф. 2012. Электоральное пространство России: от навязанной национализации к новой регионализации? // *Полития*. № 3 [Turovskij R.F. 2012. Ehlektoral'noe prostranstvo Rossii: ot navjazannoij nacionalizacii k novojj regionalizacii? // *Politeia*. № 3].

Bielasiak J. 2002. The Institutionalization of Electoral and Party Systems in Postcommunist States // *Comparative Politics*. Vol. 34. № 2.

Conradt D.P. 2005. The Tipping Point: The 2005 Election and the De-Consolidation of the German Party System? // *German Politics and Society*. Vol. 24. № 1.

Diamond L. 1994. Toward Democratic Consolidation // *Journal of Democracy*. Vol. 5. № 3.

Horowitz S., Browne E. 2005. Sources of Post-Communist Party System Consolidation: Ideology versus Institution // *Party Politics*. Vol. 11. № 6.

Jones M.P., Mainwaring S. 2003. The Nationalization of Parties and Party Systems: an Empirical Measure and an Application to the Americas // *Party Politics*. Vol. 9. № 2.

Jurek P. 2010. The Institutionalization of Party Systems — Bulgaria, Romania, Croatia and Slovenia in a Comparative Perspective // *Politics in Central Europe*. № 6.

Lewis P. 2006. Party Systems in Post-communist Central Europe: Patterns of Stability and Consolidation // *Democratization*. Vol. 13. № 4.

Lijphart A. 1995. *Electoral Systems and Party Systems: A Study of Twenty-Seven Democracies, 1945—1990*. — Oxford.

Linz J.J., Stepan A. 1996. *Problems of Democratic Transition and Consolidation in Southern Europe, South America and Post-communist Europe*. — Baltimore.

Mair P. 1998. *Party System Change: Approaches and Interpretations*. — Oxford.

Meleshevich A. 2007. *Party Systems in Post-soviet Countries: A Comparative Study of Political Institutionalization in the Baltic States, Russia, and Ukraine*. — N.Y.

Novagrokien J. 2001. The Development and Consolidation of the Lithuanian Political Party System // *Journal of Baltic Studies*. Vol. 32. № 2.

Olson D.M. 1998. Party Formation and Party System Consolidation in The New Democracies of Central Europe // *Political Studies*. Vol. 46. № 3.

Powell E.N., Tucker J. 2009. *New Approaches to Electoral Volatility: Evidence from Post-communist Countries* (http://homepages.nyu.edu/~jat7/Powell_Tucker_Volatility.pdf).

Sartori G. 1976. *Parties and Party Systems: a Framework for Analysis*. — Cambridge.

Schmitter Ph.C., Karl T.L. 1994. The Conceptual Travels of Transitoologists and Consolidologists: How Far to the East Should They Attempt to Go? // *Slavic Review*. Vol. 53. № 1.